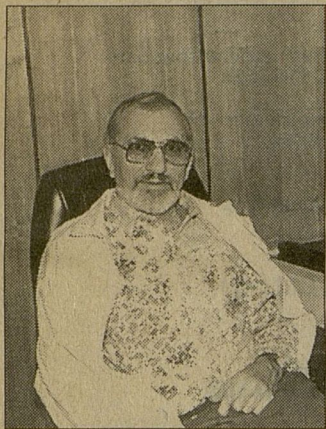

«Я стараюсь быть предельно беспринципен»

Виктор Мережко размышляет об исторических судьбах телевидения

— «Кинопанорама», «Мое кино», «Колесо истории»... — что вам самому интереснее делать?

— Все это разные программы, и мое участие в них разное. В «Кинопанораме» я не знал, что там делается, — работала творческая группа. Мне просто говорили, что завтра будут снимать такого-то, послезавтра — такого-то. Я говорил, что такой-то человек мне или приятен, или неприятен, и они это, как правило, учитывали. «Мое кино» — другое дело: там я диктую, кто должен прийти. Но и там, и там я выполняю функцию говорящей головы. А в телекомпании «Каскад» — производителе «Колеса истории» — меня практически не видно, я выполняю функции художественного руководителя. заключается моя задача прежде всего в том, что я обязан закрутить, запустить процесс. Я должен работать и с режиссерами, с администрацией, с редакторами. Когда я пришел в «Каскад», игра уже была придумана, но нужно было понять, что мы хотим рассказать и как мы это будем делать. Вначале мы думали набрать статистов, массовку. Более того, мы вначале ориентировались на манекенщиц и... как правильно сказать — манекенщиков. Но потом мы поняли, что это достаточно неподвижная и малоинтересная публика, и пригласили профессиональных актеров,

которые разыгрывают рассказ об исторических событиях как миниатюры, сценки. Тут я художественный руководитель и одновременно продюсер. Хотя у нас есть генеральный продюсер Аркадий Поляк, но он занимается скорее глобальной задачей, стратегией, а я, главным образом, тактикой.

— Виктор Иванович, почему в названии игры именно «Колесо»?

— Ну жизнь построена по принципу вращения колеса. С чего начинаешь, к тому и приходишь.

— Ну тогда скорее — спираль.

— Нет, я все-таки сказал бы колесо. Спираль предусматривает какое-то развитие, а на мой взгляд, история каждый раз повторяется. В фарсе, или в комедии, или в драме.

— А каков ваш исторический прогноз судьбы нашего телевидения? Существуют ли какие-то параллели между 6-м каналом и ОРТ, какие-то общие недостатки?

— Я думаю, что и там, и там главный недостаток — это излишнее увлечение развлекательными программами. Наша задача — просветительская, другое дело, что это прячется в хорошую обертку. А что касается моего канала, где я служу, и первого, то их похожесть состоит в том, что они любыми путями пытаются завлечь телезрителя к экрану и, главным образом, программами не всегда самого высокого уровня, и не всегда «своими». А надо помнить, что в свое время мы пытались американцев в кино переплюнуть, в их стиле монтажа, их сюжетном построении. Нам их никогда не догнать. Это их стиль, их менталитет. Российский менталитет совершенно иной. У нас не любят дерганных монтажных программ. Не любят игры ради игры без того, чтобы человек включал свой мозг.

— Не разочаровал ли вас конечный результат ваших

творческих и организационных усилий?

— В целом программа мне нравится.

— Вы говорите, что телевидение перегружено развлекательными программами, а сами делаете как раз такую передачу. Не парадокс ли это? Может быть, телевидение диктует всем одинаковые правила игры, и каждый, кто приходит на ТВ, обязан их принимать?

— В любую игру можно играть плохо или хорошо. Все зависит от профессионализма игроков.

— Как вы считаете, действительно ли телевидение отражает интересы многомиллионного зрителя? Не кажется ли вам, что ТВ имеет в виду интересы рекламодателя, а зрителя «имеет в виду»?

— Рекламодатель — тот же зритель. Он выбирает те передачи, которые пользуются симпатиями большинства. Что делать, если сегодня зритель выбирает низкопробные передачи? Это замкнутый круг: плохой зритель — плохие передачи, плохие передачи — еще ниже спускается зрительский уровень. Если мы не выберемся из этого порочного круга, то ситуация будет ухудшаться и ухудшаться.

— В «Мое кино» вы приглашаете самых разных людей. Это попытка расширить круг интересов аудитории вашей передачи?

— Я стараюсь быть предельно беспринципен — но сознательно беспринципен — в выборе героев передачи. Мне нужно, чтобы публика поняла, в какой стране она живет. Я приглашаю людей с диаметрально противоположными взглядами. Сейчас программа «Мое кино» переходит в иное качество. Я каждый раз выбираю вместе с группой фильм. Этот фильм нам, во-первых, диктует гостей, мы приглашаем создателей данного фильма, а во-вторых, задает тему разговора. Я теперь буду делать своеобразную ки-

нопанораму по поводу фильма, который буду показывать после передачи. Допустим, фильм «Роман а ля русс» — мы говорили о женщинах, «Выйти замуж за капитана» — буду пытаться говорить о проблемах офицерства в России. Следующую программу мы будем писать под фильм «Ноктюрн для барабана и мотоцикла» — о проблемах подростков. Мы соберем тинэйджерскую публику, с которой создатели фильма и я будем беседовать об их проблемах. Будем писать программу для фильма «Мажестро вор» режиссера Владимира Шамшурина, и мы пригласим людей, сидящих в колониях, людей из правоохранительных органов, вместе с которыми будем размышлять и о, грубо говоря, «преступлении и наказании», и о том, что такое авантюра, что такое менталитет преступника в наши дни.

— В послеперестроечное время люди искусства все чаще жалуются на то, что государство слишком мало уделяет внимания искусству. Но вот уже мы видим следующий виток развития — люди искусства меньше стали уделять внимания или времени искусству и уходят, в частности, на телевидение...

— Это так и есть. Дело в том, что я не однажды говорил, что по моим сценариям снято более сорока фильмов и кроме того мною написано одиннадцать пьес, которые достаточно хорошо шли по Советскому Союзу. И сейчас у меня четыре сценария. Один только что запущен, другой запускается, два лежат — ждут денег. Я сейчас сдал пьесу на двух актеров, на которую уже подали заявки примерно двадцать театров в России. И тем не менее я ведь стал заниматься телевидением не оттого, что это модно, или потому, что тебя узнают на улице, а потому, что это один из способов заработка. Я вам скажу, что если бы я писал только сцена-

рии и пьесы, то жил бы, если не в нищете, то каждый день думал — какие деньги придут завтра за спектакль или за сценарий. Я бы жил очень стесненно. Телевидение позволяет мне жить лучше, чем я жил бы, занимаясь своей профессией.

— А вам не кажется, что голод — лучший творческий стимул?

— Глупости. У меня в советское время были поставлены фильмы, которые, надеюсь, вошли в золотой фонд. «Полеты во сне и наяву», «Вас ожидает гражданка Никанорова», «Здравствуй и прощай». Эти сценарии я писал в советское время. Я знал, что меня ценят как драматурга, я знал, что мой сценарий никогда не будет зарублен. Это гарантировало кинопроизводство. Сейчас я прежде всего думаю, как угодить продюсеру, актеру. Думаю не о творчестве, а прежде всего, как угодить. Я устал об этом говорить, но прокат развален. Классики наши, начиная с Элема Климова и заканчивая даже Сергеем Соловьевым, не снимают или снимают раз в пять лет. Фильмы не доходят до экрана. Поэтому я считаю, что когда государство ведет политику культуры и искусства, то это мудрое государство, понимающее идеологическую задачу кино, театра и литературы. Я был уверен и сейчас уверен: искусство — это прежде всего идеология. Это видно на примере американцев. Самое идеологизированное искусство — это американское. Хеппи-энд, полосатый флаг, красивый полицейский. Там идеология здоровой нации. У нас идеология тюремного беспридела. Что хочешь, то и делай. Государство должно уделять максимальное внимание искусству, литературе, кино. Просто чтобы выжить, ему, государству. А мы-то — деятели культуры — о себе как-нибудь позаботимся, не пропадем. Вот так.

Беседовал
Дмитрий КАФАНОВ